

Сказка Туве Янссон " Мемуары папы Муми-тролля " Глава вторая

где я ввожу в свои мемуары Юксаре и зверька по имени Шнырек, представляю читателям дронта Эдварда и даю яркое описание речного парохода "Морской оркестр" и его несравненной команды

В то утро, проснувшись, я увидел, что Фредриксон закидывает в ручей сеть.

– Привет! – поздоровался я. – Здесь водится рыба?

– Нет! – ответил Фредриксон. – Это подарок ко дню рождения.

Реплика была совершенно в духе Фредриксона. Он просто хотел сказать, что рыболовную сеть получил в подарок от своего племянника, который сам сплел ее и очень огорчится, если сеть не побывает в воде. Слово за слово, и я узнал, что племянника зовут Шнырек [Маленький зверек, который шныряет, то есть: необыкновенно торопливо и легкомысленно снует туда-сюда, опрокидывая и теряя по пути все, что можно. (Прим автора.)] и что родители его погибли во время генеральной уборки. Этот зверек жил теперь в банке из-под кофе, ну, той, что голубого цвета, и коллекционировал главным образом пуговицы. Рассказ Фредриксона не отнял у меня много времени. Фредриксон был скуп на слова и никогда не тратил их особенно много за один раз.

Затем он поманил меня легким движением уха и повел в лес. Когда мы подошли к кофейной банке, Фредриксон вытащил свисток и трижды свистнул. Крышка моментально отскочила, оттуда выпрыгнул Шнырек и кинулся к нам.

– Доброе утро! – с нескрываемой радостью закричал он. – Вот здорово! Как раз сегодня ты и собирался устроить мне большой сюрприз? Это кто с тобой? Какая честь для меня! Жаль, что я еще не успел прибраться в банке...

– Не смущайся! – успокоил племянника Фредриксон. – Это Муми-тролль.

– Здравствуйте! Добро пожаловать! – затараторил Шнырек. – Я сейчас... Извините, мне надо взять с собой кое-какие вещи...

Он исчез в своей банке, и мы услышали, как отчаянно он там роется. Через некоторое время Шнырек снова выскочил с фанерным ящичком под мышкой, и дальше мы пошли уже втроем.

– Племянник! – сказал вдруг Фредриксон. – Ты умеешь писать красками и рисовать?

– Еще бы! – воскликнул Шнырек. – Однажды я нарисовал карточки всем моим кузинам! Каждой по карточке, с указанием места за праздничным столом. Хочешь, и тебе нарисую такую замечательную карточку? Или лучше написать какие-нибудь изречения? Извини, но что именно тебе нужно? Это связано с твоим сюрпризом?

– Это тайна, – ответил Фредриксон.

Тут Шнырек так разволновался, что начал подпрыгивать; шнурок, которым был завязан ящичек, развязался, и на поросшую мхом землю вывалилось все его имущество: медные спиральки, резиновая подвязка, сережки, сушеные лягушки, ножи для сыра, окурки сигарет, куча пуговиц и среди прочего открывалка для минеральной воды.

– У меня был такой хороший шнурок, но он потерялся! Извините! – пропищал Шнырек.

– Ничего, ничего, – успокоил его Фредриксон, складывая все обратно в ящичек.

Потом он вынул из кармана обрывок веревки, перевязал ящичек, и мы пошли дальше. Поглядев на уши Фредриксона, я понял, что он переполнен своей тайной и очень волнуется. Наконец мы остановились возле зарослей орешника, и Фредриксон, повернувшись, серьезно посмотрел на нас.

– Твой сюрприз там? – благоговейно прошептал Шнырек.

Фредриксон кивнул. Мы пробрались сквозь заросли и очутились на поляне. Посреди поляны стоял пароход, большой пароход! Широкий и устойчивый, такой же надежный и крепкий, как сам Фредриксон.

Я ничего не знал о пароходе, но меня тут же охватило какое-то доселе незнакомое мне сильное чувство, можно сказать, возникла идея парохода; мое сердце – сердце искателя приключений – гулко забилось. Я представил, как Фредриксон мечтал об этом пароходе, как он чертил его, как шел каждое утро на поляну, чтобы его строить.

Должно быть, он занимался этим уже давно, но никому об этом не рассказывал, даже Шнырьку, и, опечалившись, я чуть слышно спросил:

– Как ты назвал пароход?

– "Морской оркестр", – ответил Фредриксон. – Так назывался сборник стихотворений моего покойного брата. Имя будет написано небесно-голубой краской.

– И это можно сделать мне, да? – прошептал Шнырек. – Это правда? Клянешься хвостом? Извини, но что, если я выкрашу весь пароход в красный цвет? Можно? Тебе это понравится?

Фредриксон кивнул:

– Только не закрась ватерлинию.

– У меня как раз есть большая банка красной краски! – радостно затараторил Шнырек. Он так волновался, что у него дрожали усы. – И маленькая банка небесно-голубой!.. Какая удача! Вот здорово! А сейчас мне надо домой, приготовить вам завтрак и прибраться в банке... – И он тут же исчез.

Я снова посмотрел на пароход и сказал Фредриксону:

– Какой ты молодец!

Тут Фредриксон разговорился. Он говорил очень много и все больше о конструкции своего парохода. Потом вытащил бумагу и ручку и стал показывать на чертеже, как будут работать колеса. Я не все понимал, но видел: Фредриксон чем-то огорчен. Кажется, у него что-то не ладилось с рулем.

Я очень ему сочувствовал, но полностью разделить его переживаний не мог – ах, вопреки всему есть несколько областей, где мой талант не проявился так, как бы хотелось. И одна из этих областей – машиноведение. Меня больше заинтересовал маленький домик с остроконечной крышей, который поднимался в самом центре парохода.

– Ты живешь в этом домике? – спросил я. – Он похож на беседку для муми-троллей.

– Это навигационная каюта, – чуть недовольно заметил Фредриксон.

И я погрузился в свои мысли. Домик был слишком обыкновенный. На мой вкус, окна можно сделать куда интересней. А на капитанском мостике были бы уместны легкие поручни с фигурками обитателей моря. А крышу надо бы украсить деревянной луковицей, которую, пожалуй, можно и позолотить...

Я отворил дверь каюты. Кто-то лежал на полу и спал, прикрывшись шляпой.

– Это кто – ваш знакомый? – удивленно спросил я у Фредриксона.

Заглянув через мое плечо, Фредриксон сказал:

– Юксаре.

Я стал его рассматривать. Мягкий, странного, пожалуй, светло-каштанового цвета, Юксаре выглядел каким-то неопрятным. Шляпа на нем была очень старая, цветы, некогда украшавшие ее, давно завяли. Казалось, что Юксаре давно не умывался и вообще не любил это делать.

Тут примчался Шнырек и заорал:

– Кушать подано!

Юксаре проснулся от крика, потянулся, словно кот, и, зевнув, сказал:

– Хупп-хэфф!

– Позволь, а ты что делаешь на пароходе Фредриксона? – грозно спросил Шнырек. – Разве ты не видел, что там написано: "Вход воспрещен"?

– Конечно, видел, – невозмутимо отвечал Юксаре. – Вот поэтому-то я здесь.

В этом был весь Юксаре. Любая запрещающая что-то табличка, запертая дверь, даже просто стенка тут же выводили его из обычного сонливого состояния. Стоило ему увидеть в парке сторожа, как усы его начинали дрожать, и тогда от него можно было ожидать самого неожиданного. А в промежутках он спал, или ел, или мечтал. Сейчас Юксаре главным образом был настроен поесть. Мы направились к банке Шнырька, где на выдавшей виды шахматной доске красовался остывший омлет.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Утром я приготовил очень хороший пудинг, – стал объяснять Шнырек. – Но, к сожалению, он исчез. А это так называемый ленивый омлет!

Омлет был подан на крышках от консервных банок, и пока мы его ели, Шнырек выжидающе смотрел на нас. Фредриксон жевал долго и старательно, и вид у него был довольно странный. Наконец он сказал:

– Племянник, мне попало что-то твердое!

– Твердое? – удивился Шнырек. – Должно быть, это из моей коллекции... Выплюнь! Выплюнь скорей!

Фредриксон выплюнул, и мы увидели на его "тарелочке" два черных зубчатых предмета.

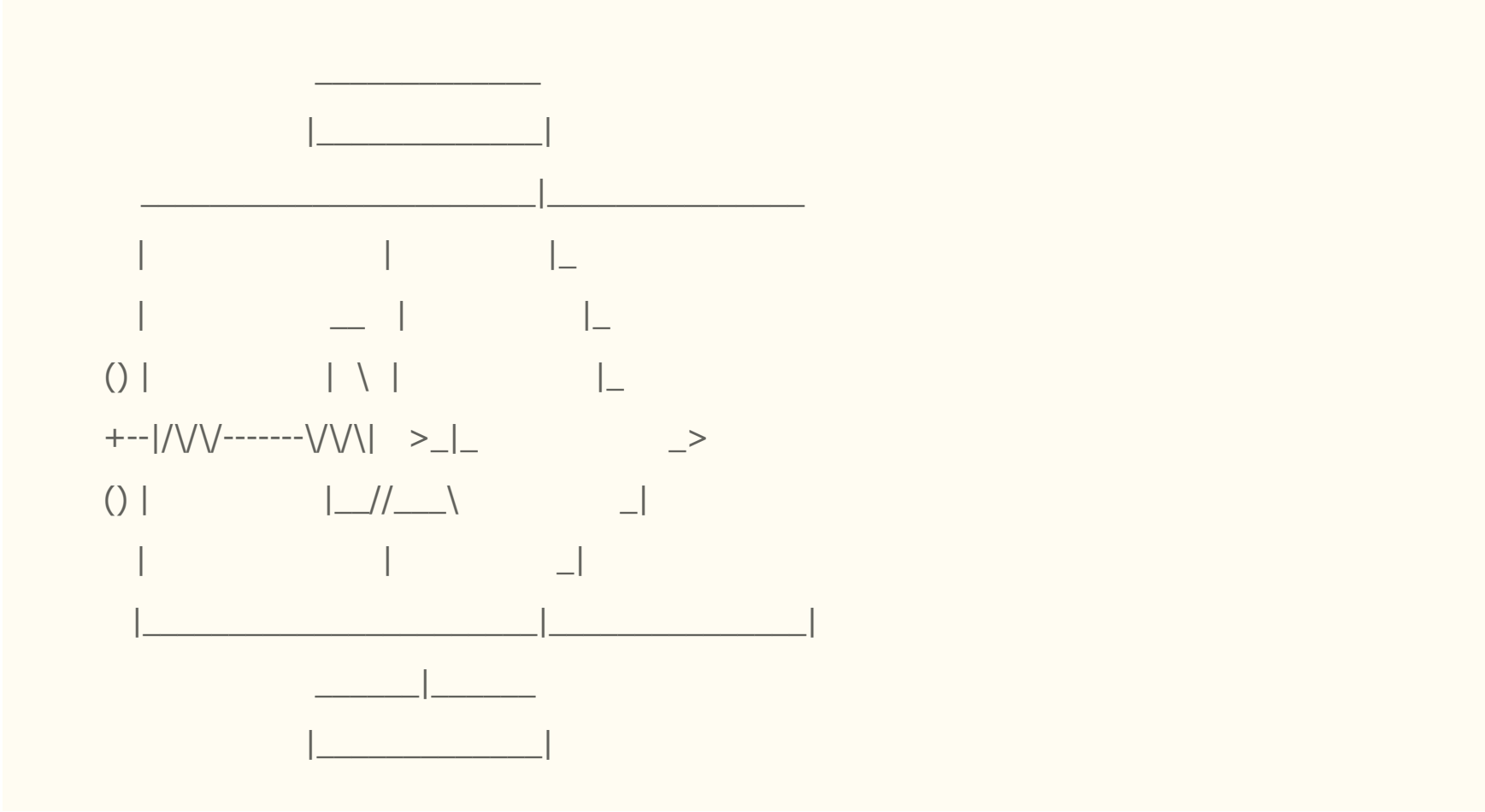
– Извини, пожалуйста! – воскликнул его племянник. – Это всего-навсего мои шестеренки! Хорошо, что ты их не проглотил!

Но Фредриксон не отвечал. Сморщив лоб, он долго смотрел вдаль. И тогда Шнырек заплакал.

– Постарайся, пожалуйста, его извинить, – сказал Юксаре. – Видишь, он ужас как расстроился.

– Извинить? – воскликнул Фредриксон. – За что же?!

Он тут же вытащил бумагу и перо и стал показывать нам, куда надо поместить шестеренки, чтобы заставить крутиться винт с лопастями и паровые колеса. (Надеюсь, вы понимаете, что начертил Фредриксон.)

– Подумать только! – закричал Шнырек. – Мои шестеренки пригодились для изобретения Фредриксона! Непостижимо!

Мы закончили обед в хорошем настроении. Воодушевленный этим происшествием, племянник Фредриксона надел свой самый большой передник и тут же принялся красить "Морской оркестр" в красный цвет. Шнырек так старался, что и паровоз, и земля, и изрядная часть орешника стали красными. А такого перемазанного в красный цвет зверька, как Шнырек, мне в жизни видеть не приходилось. Название паровоза он нарисовал небесно-голубой краской.

Когда все было готово, Фредриксон пришел взглянуть на работу племянника.

– Ну как, красиво? – взволнованно спрашивал Шнырек. – Я очень старался. Я вложил всю душу, всего себя в эту работу.

– Оно и видно, – буркнул Фредриксон, поглядев на перепачканного с головы до ног племянника. Он посмотрел также на кривую ватерлинию и хмыкнул: – Хм! – Затем, взглянув на название паровоза, снова хмыкнул: – Хм! Хм!

– Я неправильно написал? – забеспокоился Шнырек. – Скажи что-нибудь, а то я снова заплачу! Извини! "Морской оркестр" – такие трудные слова!

– "М-р-з-с-к-о-й а-р-к-е-с-т-р", – прочитал вслух Фредриксон и, еще немного подумав, сказал: – Успокойся. Сойдет. Шнырек вздохнул с облегчением и остатками краски выкрасил кофейную банку.

А вечером Фредриксон пошел проверять сеть в ручье. Представьте себе наше удивление, когда мы обнаружили в сети маленькии нактоуз, а в нем – анероид!..

Тут Муми-папа закрыл тетрадь и выжидающе взглянул на своих слушателей.

– Ну как, нравится? – спросил он.

– По-моему, это будет необыкновенно интересная книга, – серьезно сказал Муми-тролль.

Он лежал на спине в сиреневой беседке и смотрел на пчел; было тепло, стояло полное безветрие.

– Но кое-что ты, наверное, выдумал, – заметил Снифф.

– Неправда! – возмутился Муми-папа. – В те времена и в самом деле случались такие вещи! Каждое мое слово – правда! Возможно, только кое-что чуточку преувеличено...

– Любопытно узнать, – начал Снифф. – Любопытно узнать, куда же подевалась папина коллекция.

– Какая коллекция? – не понял Муми-папа.

– Коллекция пуговиц моего отца, – пояснил Снифф. – Ведь Шнырек – мой отец, так?

– Да, твой, – подтвердил Муми-папа.

– Тогда где же находится его драгоценная коллекция? Я ведь должен был получить ее в наследство, – подчеркнул Снифф.

– Хупп-хэфф, как говорил мой отец, – сказал Снусмумрик. – Кстати, почему ты так мало пишешь о Юксаре? Где он сейчас?

– Об отцах никогда ничего толком не знаешь, – сделав какой-то неопределенный жест, объяснил Муми-папа. – Они приходят и уходят... Во всяком случае я сохранил ваших отцов для потомства, написав о них. Снифф фыркнул.

– Юксаре тоже терпеть не мог сторожей в парке, – задумчиво произнес Снусмумрик. – Одно это...

Они лежали на траве, вытянув лапы и подставив солнцу свои мордочки. Вокруг было чудесно, и всех клонило ко сну. Ящик со стеклянной крышкой для компаса, расположенный на палубе корабля.

– Папа, – сказал Муми-тролль. – Неужели в то время так неестественно разговаривали? "Представьте себе наше удивление", "свидетельствует о богатстве моей фантазии". И все такое.

– Это вовсе не неестественно, – рассердился папа. – По-твоему, когда сочиняешь, можно говорить небрежно?

– Иногда ты и в жизни говоришь неестественно, – возразил сын. – А Шнырек у тебя разговаривает обычно.

– Фу! – сказал папа. – Это просто местное наречие. А вообще есть большая разница между тем, как ты рассказываешь о каких-то вещах, и тем, как ты о них думаешь... И кроме того, все это больше зависит от того, что чувствуешь... По-моему... – папа замолчал и начал озабоченно перелистывать мемуары. – По-вашему, я употребил чересчур трудные слова?

– Ничего, – утешал его Муми-тролль. – Хотя это было так давно, все равно можно почти всегда угадать, что ты имеешь в виду. А про дальше ты уже написал?

– Нет еще, – ответят папа. – Но потом будет жутко интересно. Скоро я дойду до дронта Эдварда и Морры. Где ручка, которой я пишу

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

мемуары?

– Вот, – сказал Снусмумрик. – И напиши побольше об Юксаре, слышишь! Ничего не упускай!

Муми-папа кивнул, положил тетрадь на траву и стал писать дальше.

Именно тогда я впервые пристрастился к резьбе по дереву. Это особое дарование было, должно быть, врожденным и таилось, если можно так выразиться, у меня в лапах. Первые мои пробы на этом поприще были довольно робкими. На корабельной верфи я подобрал подходящий кусок дерева, нашел нож и начал вырезать гордый купол (позднее он украсил крышу навигационной каюты). Он имел форму луковицы и был покрыт нарядной рыбьей чешуей.

Фредриксон, к сожалению, ни слова не сказал об этой важной детали в оснастке судна. Он уже ни о чем не мог думать, кроме как о спуске парохода.

"Морской оркестр", на который приятно было смотреть, готовился к старту. На своих четырех резиновых шинах, которые должны были выручать его на коварных песчаных отмелях, пароход пламенел под лучами солнца. Фредриксон где-то раздобыл себе капитанскую фуражку с золотым шнуром.

Забравшись под киль, он расстроено пробормотал:

– Так я и думал. Застрял! Теперь мы простоим здесь до восхода луны.

Обычно немногословный, Фредриксон стал без усталости бормотать что-то и ползать вокруг парохода – верный признак, что он серьезно обеспокоен.

– Ну, теперь скоро опять в путь, – зевнул Юксаре. – Хупп-хэфф! Ну и жизни! Менять курс, переезжать с места на место придется с утра до вечера. Такая бурная жизнь к добру не приведет. Стоит только подумать о тех, кто трудится и корпит над своей работой, и чем все кончается, сразу падаешь духом. У меня был родственник, который учил тригонометрию до тех пор, пока у него не обвисли усы, а когда все выучил, явилась какая-то морра и съела его. Да, и после он лежал в морровом брюхе, такой умненький!

Речи Юксаре невольно заставляют вспомнить о Снусмумрике, который тоже родился под всеяющей лень звездой. Таинственный папаша Снусмумрика никогда не огорчался из-за того, что действительно было достойно огорчения, и не заболел о том, чтобы оставить след в памяти потомков (туда, как уже говорилось, он не попал бы вообще, если бы я не захватил его в свои мемуары). Как бы там ни было, Юксаре снова зевнул и спросил:

– Когда же мы все-таки отчаливаем, хупп-хэфф?

– И ты с нами? – спросил я.

– Конечно, – ответил Юксаре.

– Если позволите, – сказал Шнырек, – я тоже надумал кое-что в этом роде... Я больше не могу жить в кофейной банке!

– Почему? – удивился я.

– Эта красная краска на жести не высыхает! – объяснил Шнырек. – Извините! Она попадает всюду – и в еду, и в постель, и на усы... Я сойду с ума, Фредриксон, я сойду с ума!

– Не сходи. Лучше упакуй вещи, – сказал Фредриксон.

– Конечно! – воскликнул Шнырек. – Мне надо о многом подумать! Такое долгое путешествие... совсем новая жизнь...

И он побежал, да так быстро, что красная краска брызнула во все стороны.

По-моему, решил я, наша команда более чем ненадежная.

"Морской оркестр" засел крепко, резиновые шины глубоко зарылись в землю, и пароход ни на дюйм не мог сдвинуться с места. Мы изрыли всю корабельную верфь (то есть лесную поляну), но все напрасно. Фредриксон сел и обхватил голову лапами.

– Милый Фредриксон, не горюй так, – попросил я.

– Я не горюю. Я думаю, – отвечал Фредриксон. – Пароход застрял. Его нельзя спустить на воду... Значит, надо реку подвести к пароходу. Каким образом? Строить новый канал? Запруду? А как? Таскать камни?..

– А как? – услужливо повторил я.

– Идея! – вдруг так громко воскликнул Фредриксон, что я подпрыгнул. – Где дронт Эдвард? Ему надо сесть в реку, чтобы она вышла из берегов.

– Он такой огромный? – испугался я.

– Гораздо больше, чем ты думаешь, – коротко ответил Фредриксон. – У тебя есть календарь?

– Нет, – сказал я, все больше и больше волнуясь.

– Так. Позавчера мы ели гороховый суп [В Скандинавии гороховый суп едят по четвергам.], – размышлял вслух Фредриксон. – Значит, сегодня – суббота, а по субботам дронт Эдвард купается. Хорошо. Поспешим!

– А они злые, эти дронты? – осторожно осведомился я, когда мы спускались к речному берегу.

– Да, – ответил Фредриксон. – Растопчут кого-нибудь нечаянно, а потом неделю рыдают. И оплачивают похороны.

– Не очень большое утешение для тех, кого они растопчут, – пробормотал я, почувствовав себя необычайно храбрым.

Я спрашиваю вас, дорогой читатель: трудно ли быть храбрым, если вообще ничего не боишься?

Внезапно остановившись, Фредриксон сказал:

– Здесь.

– Где? – удивился я. – Эдвард живет в этой башне?

– Тише. Это не башня, а его лапы, – объяснил Фредриксон. – Сейчас я его позову. – И он закричал во весь голос: – Эй-эй, там наверху!

Эдвард! Внизу я – Фредриксон! Где ты нынче купаешься?

Будто громовой раскат прокатился высоко над нами:

– Как всегда, в озере, песчаная ты блоха!

– Купайся в реке! Там песчаное дно! Мягкое и уютное! – прокричал Фредриксон.

– Это все выдумки, – отвечал дронт Эдвард. – Самые крошечные малявки знают, что эта моррова река жутко напичкана камнями!

– Нет! – настаивал Фредриксон. – Там песчаное дно!

Дронт что-то тихо пробормотал, а потом согласился:

– Хорошо. Я выкупаюсь в твоей морровой реке. Морра тебя возьми, у меня больше нет денег на похороны. И если ты обманываешь меня, тля ты этакая, сам плати за них! Ты ведь знаешь, какие у меня чувствительные конечности, а уж какой нежный хвост – и говорить нечего!

– Беги! – только и успел шепнуть мне Фредриксон. И мы понеслись. Никогда в жизни я не бегал так быстро. И я все время представлял, как дронт Эдвард садится на острые камни своим огромным задом, и его страшный гнев, и гигантскую речную волну, которую он, несомненно, поднимет. И вся эта картина казалась мне такой грозной и опасной, что я потерял всякую надежду на спасение.

Вдруг раздался рев, от которого шерсть встала дыбом на затылке! Это в лес с грохотом хлынула речная волна...

– Все на борт! – закричал Фредриксон.

Мы ринулись на корабельную верфь, преследуемые по пятам речной волной, и, перекинув хвосты через перила, наткнулись на спящего на палубе Юксаре. И в тот же миг нас накрыло шипящей белой пеной. "Морской оркестр" затрещал, застонал, словно от испуга.

Но тут же, вырвавшись из мшистого плена, пароход гордо и стремительно помчался по лесу. Пришли в движение корабельные лопасти, весело вращался гребной винт, действовали наши шестеренки! Став за руль, Фредриксон твердой лапой уверенно повел "Морской оркестр" меж древесных стволов.

То был ни с чем не сравнимый спуск судна на воду! Цветы и листья дождем сыпались на палубу, и, украшенный, точно в праздник, "Морской оркестр" совершил последний триумфальный прыжок вниз, в реку. Весело плеща, пароход поплыл прямо к речному фарватеру.

– Следить за рекой! – приказал Фредриксон (он хотел как раз проехать по дну, чтобы испытать свою конструкцию шарниров).

Я усердно смотрел по сторонам, но кроме подпрыгивающей где-то впереди на волнах красной банки ничего не видел.

– Интересно, что это за банка? – спросил я.

– Она мне кое-что напоминает, – ответил Юксаре. – Меня не удивит, если там внутри сидит известный всем Шнырек.

Я обернулся к Фредриксону:

– Ты забыл своего племянника!

– Да как же я мог? – удивился Фредриксон. Теперь мы уже видели, что из банки высовывается мокрая красная мордочка Шнырька.

Шнырек размахивал лапками и от волнения все туже затягивал на шее галстук.

Перегнувшись через перила, мы с Юксаре выловили кофейную банку, по-прежнему липкую от краски и довольно тяжелую.

– Не запачкайте палубу, – предупредил Фредриксон, когда мы втаскивали банку вместе со Шнырьком на борт. – Как поживаешь, дорогой племянник?

– Я чуть с ума не сошел! Подумать только! Упаковываю вещи, а тут наводнение... Все вверх дном. Я потерял свой самый лучший оконный крючок и, кажется, стержень, которым прочищают трубки. Ой! Что теперь будет?

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И Шнырек с известным удовлетворением начал по новой системе приводить в порядок свою коллекцию пуговиц. Прислушиваясь к тихому плеску колес "Морского оркестра", я сел рядом с Фредриксоном и сказал:

- Надеюсь, мы никогда больше не встретимся с дронтом Эдвардом. Как ты думаешь, он ужасно зол на нас?
- Ясное дело, – отвечал Фредриксон.